

Анджей Волчек

**Герои
романтики**

Анджей Волчек
Герои романтики

«Автор»

2026

Волчек А.

Герои романтики / А. Волчек — «Автор», 2026

В этом сборнике романтика предстаёт неожиданной, опасной и порой жестокой. Герои ошибаются, предаются, теряют себя и пытаются начать всё заново. Иногда слишком поздно. Иногда ценой собственного «я». Эта книга для тех, кто верит, что любовь может быть разной: светлой или разрушительной, трусливой или отчаянной, мимолётной или оставляющей глубокие шрамы в душе.

© Волчек А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Романтика нимфы	5
Романтика с оборотнем	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анджей Волчек

Герои романтики

Романтика нимфы

Волшебный лес Глимминг живет своей жизнью, полной света и магии. Молодой эльф-ученый Эолан, больше привыкший к свиткам и древним рунам, чем к общению, впервые видит нимфу Лиану, танцующую в лучах рассвета над Озером Слез. В его сердце, словно вспышка, рождается тихое, но непреодолимое чувство. Он понимает, что должен подойти к ней.

Эолан долго стоял в тени кипарисов, не решаясь выйти. В его руке был стебель идеальной лунолилии. Сердце часто билось. Когда он все же шагнул на солнечный берег, свет ударил ему в глаза. Лиана парила, касаясь пальцами ног поверхности воды, и от каждого прикосновения расходились серебряные круги.

– Я я принес это вам, – он протянул цветок. – Рассвет сегодня был особенно прекрасен. Почти как вы.

Лиана обернулась. Лучи солнца уже добрались до водной глади. Она увидела эльфа, его напряженное лицо и белый цветок. Что-то теплое и приятное появилось у нее в груди. Она медленно опустилась рядом с ним на землю, но взять цветок не решилась.

– Мне нужно мне нужно к подругам, – ответила она и, развернувшись, улетела прочь, оставив Эолана с невысказанными словами.

– Он хотел подарить мне цветок, – запыхавшись, проговорила Лиана, подлетая к трем нимфам, кружившим над полянкой. – Сказал, что рассвет прекрасен, как я.

– О-о-о, – протянула Зефира. – Такой серьезный ученый эльф, а тут с цветочком!

– Поиграй с ним! – подхватила Аура, переворачиваясь в воздухе. – Пусть докажет, что достоин внимания нимфы!

– Слишком уж он серьезный, – фыркнула Бриз. – Помучь его немного, пусть побегаёт за тобой. Это же так забавно!

Для них это была лишь игра, веселое развлечение. Лиана слушала их и чувствовала, как нежность в ее груди понемногу сменялась желанием не ударить в грязь лицом перед подругами. Она просто посмотрела на эльфа издали, ничего не сказав и улетела с нимфами прочь.

Как-то Эолан нашел ее у Шепчущих Камней, где древние валуны, поросшие мхом, тихо переговаривались друг с другом. Лиана сидела на самом большом камне, слушая их шепот. Эльф подошел, уже не так робко.

– Ваша магия – начал он, и Лиана обернулась. – Она как музыка ветра в листьях. Ее нельзя понять, можно только почувствовать. Я бы хотел научиться ее слышать.

Он смотрел прямо на нее, и в его глазах горела решимость. Лиана смутилась. Ей хотелось рассказать ему о том, как ветер по-разному звучит в кронах дубов и в иголках сосен, как можно услышать в нем отголоски далеких морей.

«Он пытается, правда пытается,» – пронеслось у нее в голове. «Он ищет путь к моему миру. Какой же он настойчивый. И глаза в них сейчас столько тепла.»

Но тут же ее пронзила ледяная мысль: «А что скажут подруги? Они опять будут смеяться. Назовут его скучным фантазером.»

– Мне мне нужно к подругам, – ответила она, сорвавшись с камня и умчавшись прочь.

– Он говорит о музыке ветра! – взволнованно сообщила Лиана, подлетая к трем нимфам. – Хочет научиться ее слышать!

– Не торопись! – строго сказала Зефира, кружась вокруг Лианы. – Слова словами, а где дела?

– Посмотрим, что он придумает еще! – подхватила Аура, перебирая свои светлые волосы.
– Может, это все лишь красивые речи.

– Настоящий герой должен совершить подвиг! – с важным видом заключила Бриз. – Пусть докажет свои слова делом!

Для них Эолан был забавной игрушкой. Лиана не вернулась к эльфу, просто решила подождать, что будет дальше при следующей встрече, совершенно не дорожа временем.

Прошло несколько дней. Эолан ждал ее у древнего дуба, испещренного рунами. Он знал, что она придет сюда с подругами – это было их излюбленное место для вечерних игр. Когда нимфы появились, кружась в танце, он шагнул вперед, прямо навстречу Лиане.

– Лиана, – произнес он, и голос его был тверд. – Я устал от намеков и аллегорий. Я люблю вас. Мое сердце бьется в ритме вашего сердца.

Лиана замерла, его слова упали прямо ей в душу. Она увидела в его глазах все – и надежду, и страх, и решимость, что заставила ждать ее здесь. Она открыла рот, чтобы сказать «да», чтобы ответить ему тем же...

Но позади раздался смехок. Затем другой. Это были Зефира и Аура, прикрывающие рты ладонями. А Бриз и вовсе покатывалась со смеху.

«Он такой скучный!» – прозвучало в памяти Лианы насмешливое замечание Зефиры.

«Ты засохнешь с ним от тоски!» – добавил в ее воображении голос Ауры.

Перед ее глазами встали их ухмылки, их взгляды, полные презрительной жалости. Страх оказаться посмешищем в глазах подруг, с которыми она провела всю свою жизнь, сдавил горло и оказался сильнее внезапного, ослепительного ощущения счастья.

– Я... я не могу... Эолан, прости, – ответила она.

Развернувшись, она улетела, подхваченная подругами, оставив Эолана в мрачном мраке отчаяния под сенью древнего дуба.

На следующий день, придя на то же место, Лиана узнала от живых рун на дубе, что Эолан бросил все и ушел на войну с Темными Повелителями на границах их мира.

Прошло полгода и волшебный лес начинал увядать. На него, словно туман, опустилось дыхание Большой войны. Отголоски магии Темных Повелителей, летящие с далеких полей сражений, добрались и сюда. От раскатов злой стихии тут, в некогда живописном лесу, цветы теряли краски, ручьи мелели, а звери убегали. Жители уходили, улетали, уплывали.

Подруги-нимфы, легкомысленные как ветер, одна за другой покидали Лиану, улетаая искать лучшие края. И ей было неизвестно, чем закончится судьба каждой из них за пределами пусть и умирающего, но единственного знакомого и близкого им места, от которого только они и могли черпать свою красоту и волшебные силы. Нимфа осталась совсем одна, влача жалкое существование среди гибнущей красоты.

И сама Лиана почувствовала, как ее собственная сила, питавшаяся красотой и жизнью леса, тает с каждым днем. Она уже не могла летать, лишь беспомощно бродила по тропинкам, с которых исчезали цветы. Ее любимых фруктов и ягод не осталось.

Многие деревья стояли голые, их листья опали, превратившись в прах. Построить укрытие или найти пропитание она уже почти не могла. Все, к чему она прикасалась, рассыпалось. Голод и отчаяние точили ее изнутри. Лиана не видела другого выхода, кроме как искать опору в ком-то из тех немногих, кто еще оставался в лесу. Чтобы отдаться на их милость. Нимфа стала перебирать в уме варианты. К кому можно пойти? Кто остался?

«Гном Торбин, – мелькнуло в голове. – Да, он сварливый деспот, вечно всем недовольный. Но он живет у подножия холма, в крепком каменном доме, который не боится ни ветра, ни темной магии. Он копил добро годами. Его закрома полны еды, а в сундуках лежат самоцветы, добытые в глубокой шахте. Он один из немногих во всем лесу не бедствует. Его дом – настоящая крепость».

Мысль о теплом угле и о куске хлеба показалась спасением, и Лиана на мгновение забыла о вечном брюзжании Торбина. Что значил его скверный характер перед лицом голода и полного одиночества? Но ведь можно выбрать и кого-то другого, почему нет? У Лианы была уверенность, что с ее красотой она может выбрать.

«Кто более достойный?» – вертелось в голове у Лианы.

«Вот варвар-кузнец Рорк. У него тоже есть своя шахта, но не с самоцветами, а с углем и рудой. Живет он прямо в своей железной кузнице, и печь в ней не гаснет ни днем ни ночью. В его сарае много бочек с сушеным мясом и рыбой, с засоленными травами разных видов и вкусов».

Она знала о нем многое. У варвара был бессмертный пламенный конь. Не животное из плоти и крови, а дух огня, которого Рорк украл из самой Преисподней, и с тех пор конь служит только ему. Рорка многие считали героем, не боящимся ни людей, ни темных сил. Он был полной противоположностью вечно брюзжащему Торбину. Сильный, смелый, независимый. Разве не таким должен быть тот, кто достоин стать опорой нимфы?

Лиана, подобрав самые лучшие слова, подошла к могучему варвару.

– О великий Рорк, – начала она. – Прими меня к себе как подругу и спутницу, и я сделаю твою жизнь еще ярче.

Варвар, не отворачиваясь от наковальни, хрипло рассмеялся.

– Ярче? Отлично. Можешь уже начинать, нимфа. Видишь вон там, в ста шагах отсюда, шахта? И подле нее гора угля. Вот ведро. Носи мне уголь, чтобы я днем мог работать без остановки, а ночью было чем обогреть мое жилище.

Он толкнул ногой тяжелое, закопченное ведро в ее сторону.

Вскоре Лиана узнала от Рорка, что он не собирался оставаться в умирающем лесу.

«Он готовится уехать, – думала она, таская тяжелое ведро с углем. – Накует много оружия и доспехов, запряжет своего огненного коня в повозку и уедет подальше отсюда. Продаст все и найдет себе новое пристанище. В новом волшебном лесу, где нет этой скверны. И построит там новую кузницу».

Мысль об этом заставляла ее сердце биться чаще.

«Мне нужно только немного потерпеть. Не за горами тот день, когда под его защитой я попаду в цветущий, нетронутый лес. И там... там я снова обрету свои силы. Я снова буду питаться красотой и жизнью, буду летать... Мы будем жить там вместе с ним. Нужно только потерпеть».

День проходил за днем, месяц за месяцем. Лиана таскала уголь и руду в кузницу, а Рорк выковывывал редкие и дорогие вещи. Ее кожа вся была в угольной пыли, и нимфа с большим трудом могла отмыться вечером перед сном. Ночью она боялась, что рослый варвар во сне может неловко повернуться и раздавить ее своим телом. А утром снова тяжелая работа, снова ведро и уголь. Так прошло полгода.

Когда Рорк наполнил повозку оставшейся едой, диковинным оружием и доспехами, он запряг в нее своего огненного коня, натянул вожжи и сказал Лиане:

– Путь мне предстоит далекий и долгий. Ты мне будешь только обузой. Не нужна ты мне больше, можешь идти на все четыре стороны.

И Лиана, вся черная от угля, стояла и плакала у погасшей печи, глядя, как повозка варвара скрывается между засохших деревьев. «Ах, Эолан, милый эльф, где же ты? – прошептала Лиана. – Почему я тогда послушала подруг? Почему я теперь так несчастна? Мы могли бы преодолеть все трудности и пережить все печали вместе. Ты и я».

Опечаленная Лиана шла три дня и три ночи между деревьев не разбирая дороги, пока не споткнулась о корень и не упала. Перед ее лицом оказалась лужа. Она посмотрела на отражение и увидела в нем незнакомое болезненное лицо девушки без намека на красоту и досто-

инство нимфы. «Я давно растратила себя на пустое, – прошептала она. – Лучше бы мне было погибнуть вместе с лесом вначале, чем дожить до такого».

Лиана поднялась и увидела, что это, оказывается, уже край леса. А издали доносился неясный шум.

Лиана приблизилась. Перед ней раскинулся целый лагерь со множеством повозок и палаток. У колышков стояли на привязи волшебные ледяные кони, а у костра толпилось много народу. По всему лагерю сновали эльфы с серебряными луками, гномы с тяжелыми топорами, хоббиты с острыми кинжалами и даже несколько людей в помятых и исцарапанных доспехах.

Тут нимфа заметила одного офицера со знакомым лицом. Он отдавал приказы эльфам и ходил между повозок, распоряжаясь гномами, и все его слушались. Было видно, что он ранен – одна рука висела на перевязи и красный шрам проходил от его брови до щеки.

«Не может быть, это же Эолан! – пронеслось в голове у Лианы. – Да, он сильно изменился, возмужал, но это точно он. Тот, кто год назад признавался мне в любви у древнего дуба! Он вернулся!»

– Эолан, это ты! – крикнула с радостью Лиана.

Но эльф посмотрел на нее будто бы не узнавая.

– Вы ошибаетесь, – ответил он. – Я не знаю такого имени. Здесь меня все зовут капитан Тень.

Нимфа поникла от такого ответа. Она поняла, что ее прошлое теперь никак не поможет вернуть его внимание. Волшебной силы и красоты у нее теперь не осталось.

– А ты кто? – спросил эльф. – И что ты делаешь в моем лесу?

– Я... я обычная нищая девушка, собираюсь, – ответила Лиана, опуская голову. – Меня зовут Роса.

Он лишь кивнул, уже поворачиваясь к своим воинам.

«Что же делать? – лихорадочно думала Роса. – Как поступить? Как попытаться остаться рядом с ним или хотя бы в этом лагере? Ведь куда мне еще идти?»

– Тень! Я... я могу помогать в лагере, – заговорила Роса. – Я не боюсь никаких трудностей, только бы остаться с вами. Могу питаться самыми малыми крохами с вашего стола, могу греться в самых темных и незаметных углах ваших палаток и повозок...

Эльф снова посмотрел на нее, на лохмотья и бледную в пятнах кожу.

– Хорошо, Роса, – сказал он. – Вон в той палатке лежат мои раненые солдаты. Позаботьтесь о них, пока они все полностью не выздоровеют. Все нужное получите у моего алхимика. А дальше будет видно.

Шли дни и недели. Роса не отходила от раненых, заботясь о них и помогая. Солдаты, видя ее внимательность и зная ее нелегкое положение, стали потихоньку делиться с ней своей едой. Она задерживалась в больничной палатке допоздна, и десятники бывало силой отправляли ее на отдых. Тень распорядился установить для девушки отдельную личную палатку с печкой.

Роса продолжала трудиться, пока все раненые полностью не выздоровели. Так прошло два месяца. За это время капитан и алхимик восстановили небольшой участок леса при помощи новых свитков и рун. Но этот участок был пока недостаточного размера, чтобы там поселить зверей и волшебных существ. Работа двигалась медленно. Роса наблюдала, как эти двое иногда ошибались и путались в свойствах деревьев, растений и цветов.

– Я могу помочь с картой, – тихо, но твердо сказала Роса, подходя к столу, где Тень и алхимик разложили свитки и камни с рунами. – Я помню этот лес. Помню, где росли целебные травы, где били ключи и как выглядели поляны до... до всего этого. Я могу все это отметить.

Работа по оживлению Глимминга стала спориться. Роса обходила все большие и большие территории и наносила на карту важные пометки о том, как выглядел лес до катастрофы. Теперь она занималась исключительно этим, и ей в помощь дали нескольких гномов и эльфов,

которые вбивали колышки в мертвую землю и помечали засохшие деревья. Так прошло еще два месяца. Но однажды Тень, изучая обновленную карту, мрачно произнес:

– Все равно сил недостаточно. Нужно где-то искать нимф, хотя бы одну. Они были душой этого леса, без них не наступит полная гармония. Растения не все оживут, звери не вернуться. – Он с силой ткнул пальцем в пергамент. – Или найти кого-то, кто согласится пройти древний ритуал и стать новой нимфой, что нелегкий выбор. Без этого все наши труды напрасны.

Тень и алхимик переглянулись.

– Ты ведь понимаешь, на что идешь? – тихо спросил алхимик. – Ты навсегда перестанешь быть человеком. Будешь навеки связана с этим лесом. Может быть, тебе стоит подумать, нужно ли тебе такое?

– Я хочу этого, – твердо сказала Роса.

Алхимик начал читать древние заклинания, а Тень чертил на земле светящиеся руны. Воздух задрожал, наполнился магическими вспышками и искрами. Роса стояла в центре круга, и ее фигура начинала мерцать, как бы растворяясь в переливающемся свете. Когда ритуал достиг кульминации, Тень протянул к ней руку, и последняя искра магии перешла от его пальцев к ее груди. Воздух содрогнулся в последний раз и замер.

Роса преобразилась. Ее кожа засветилась перламутром, шелковистые волосы стали развеваться. Она плавно взлетела над землей, блистая в своей красоте, окруженная лучиками сил жизни. Взгляд Тени изменился. Как будто что-то вернулось, какая-то старая память пробилась сквозь время. Он внимательно смотрел на нимфу.

– Что теперь мы будем делать, капитан? – спросила Роса.

Тень, не отводя от нее взгляда, ответил:

– Мы пойдем каждый своей стороной по этому лесу. Вы – по воздуху, я – по земле. И будем соединять разрушенное и оживлять умершее, пока не доведем дело до конца.

Роса кивнула и опустилась на землю перед ним. Она смотрела на капитана. Тень продолжил:

– Помните, вы по ошибке назвали меня Эоланом. Знаете... когда-нибудь настанет тот миг, когда вы встретите наконец своего Эолана. Того, кто снова скажет вам то, о чем уже говорил. Может то чувство в нем не угасло, а наоборот росло и давало силы в тяжелые дни невзгод и жестоких сражений.

Прошло два месяца. На закате у древнего дуба стоят двое.

– Хватит намеков и аллегорий, – тихо произнес Эолан, глядя на Лиану. – Я люблю вас. Мое сердце все так же бьется в ритме вашего сердца.

Лиана посмотрела на него и медленно покачала головой.

– Нет, Эолан. Мы не можем быть вместе. Не потому, что я тебя не люблю. Я просто не хочу быть как воспоминание о чем-то прекрасном, что уже нельзя вернуть.

Она сделала паузу, подбирая слова.

– Ты любишь ту нимфу, которой я была когда-то. Легкомысленную, смазливую, летящую над Озером Слез. Но та Лиана умерла. Ее уничтожили не голод и не темная магия. Ее убило предательство, ее собственное, когда она ради хлеба и крыши над головой отреклась от самой себя. Я прошла через отчаяние и унижение. Я стала другой. Я слишком испорчена и надломлена, чтобы быть с тем светлым эльфом, каким я тебя помню.

Она продолжила.

– Ты предлагаешь мне вернуться в прошлое, но я не могу. Я не могу снова стать той, кем была. А ты... ты не должен нести на себе груз моих шрамов и горечи. Ты заслуживаешь целую и чистую любовь.

Романтика с оборотнем

Мы встречались два года. После нашей единственной ссоры Наташа позвонила сама вечером. Я этого ждал.

- Алло.

- Привет... - ее голос прозвучал тихо, почти как шепот. - Я... насчет того, что было днем. Давай просто... забудем, хорошо? Я не хочу больше.

Я уже прокрутил этот разговор в голове еще до звонка. Знал каждый ее вздох наперед.

- Уже забыл, - сказал я.

- Спасибо... - она с облегчением выдохнула. Пауза. - Слушай, а ты можешь прийти? Сейчас.

Я закрыл глаза. Вот он — финал, который я предсказал!

- Уже выхожу, - ответил я.

На улице было темно. Между моим и ее домом пролегал таинственный лес. Ехать с пересадками по дороге — значит потратить несколько часов. Я пошел через лес напрямик.

Шел я по лесу уже второй час. Почему так долго? Вроде бы путь должен быть короче. Непонятно. Черт! Сотовый оставил дома. Луна светила полная, все было видно отчетливо, но потом потянулся какой-то нехороший, низкий туман. Я начал опасаться, что собою с верного направления. Двигался нащупывая ногами тропинку, чтобы не отклониться.

Но тропинка, как я помнил, ведет не через весь лес, а только до его середины. Дальше — болотистые кочки, пара холмов, старый пруд. Потом — еще более густая, непролазная чаща, потом грунтовая дорога в подлеске, и уже Наташин микрорайон. Ее хрущевка — крайняя к лесу, как и моя высотка крайняя с этой стороны. Я наступил на сухую ветку — она громко хрустнула, звук будто разорвал тишину. И сразу в ответ, чуть левее и впереди, послышался многоголосый, злой лай. Это плохо. Не волки, но стая одичалых собак. Очень плохо.

Лай быстро приближался. Рука сама полезла во внутренний карман кобуры — нащупала «УДАР» с единственным оставшимся патроном. Не помню, то ли это «перец», то ли нервно-паралитический. Эти псы ведь и загрызть могут. Вон сколько случаев в новостях. Уже видны в клочьях тумана неразборчивые, темные силуэты. Цепью идут, твари.

Только я достал оружие, как справа внезапно появилась крупная тень, меня обхватили огромные шерстяные лапы с длинными когтями и существо меня быстро поволокло в сторону. Даже не поволокло, а скорее подняло над землей и побежало на задних лапах. Оно рыкнуло горячим дыханием пасти, и я услышал низкий голос:

- Эй, бобик, ты совсем спятил с перцовкой на стаю переть? Сожрут!

Я едва мог дышать от мощных лап, сжимавших меня, но все же выдохнул:

- А ты кто? Тварь потусторонняя, раз я слышу твою речь?

Я взгляделся в морду и увидел, что это медведь. Он бежал еще быстрее, и лай позади стал отдаляться.

- Миша, да куда ты-то меня несешь? Покушать поди тоже? – прокричал я, трясясь у него на плече.

Медведь фыркнул, и его бас пророкотал прямо у меня над ухом:

- Я бобиков не ем, дурило. Я в берлоге тебя схороню, они не сунутся, побегут мимо. Там мой дух медвежий повсюду, а эти псы беспородные боятся запаха крупного хищника. Переждем и пойдешь дальше. Что вообще сунулся в лес ночью?

- Иду к подруге, – выкрикнул я, цепляясь за его шерсть, чтобы не слететь. – Мы с ней помирились, и нужно теперь это единение залакировать. Нельзя опаздывать!

Медведь, не сбавляя хода, кивнул своей крупной головой.

- А она, подруга-то, в какой стороне? Не в той ли, откуда эти шавки неслись?

- В той самой, – подтвердил я.

- Понял, – ответил Миша, и мы понеслись вглубь леса, к его медвежьему убежищу.

Сидим в берлоге, покуриваем с медведем, понапрасну убиваем сигаретами здоровье. Хруст веток и лай то приближается, то отдаляется. Медведь прислушался, выпустил струйку дыма и сказал глухо:

- Они круги наматывают. Чуют, что ты рядом, но не поймут где именно. А в берлогу боятся сунуться. Мой дух им рассудок подавляет.

Я оторвал взгляд от входа и спросил:

- Миша, а ты лучше расскажи, как ты спишь зимой. Мне всегда интересно было, как это - спать всю зиму.

Медведь фыркнул, и в темноте блеснули его зубы.

- Да не сплю я всю зиму, не верь этим сказкам. От силы дней сорок, не больше.

- А дальше что? — не унимался я.

- А дальше? Дальше снег ем, - ответил он. - Жду, когда бобики придут, еду мне принесут.

Волонтёры. Я удивленно посмотрел на него.

- Кто такие бобики?

- Бобики? — медведь повернул ко мне свою морду. — Ну, это двуногие, как ты.

- А почему «бобики»-то? — не понял я.

Медведь вздохнул, словно объяснял что-то очевидное.

- Ну, идут они по лесу, и с ними вечно бегают пес мелкий. А они почти ничего и не говорят, только орут: «Бобик! Бобик!».

Я покачал головой и усмехнулся.

- Логично.

И тут раздался страшный, незнакомый вой и гулкое, рваное рычание, словно эхо. Медведь притих.

- Дела плохи, - прошептал он, и в его голосе впервые послышался страх. - Похоже, вервольф в лес заявился. Снова.

Миша чуть высунул голову из берлоги, огляделся и мгновенно спрятался обратно. И тут стая псов, что гоняла вокруг, разом перестала лаять и принялась визжать. Да визжать так, как будто их били, рвали на куски или ели живьем.

- Тихо, - прошипел медведь, прижимая меня к земле. - Просто сидим тихо, и он потом просто уйдет. Молчи.

Я послушно кивал, затаив дыхание. Рычание и вой чудовища вперемешку с визгами дворняг еще какое-то время продолжалось, но стало постепенно утихать и отдаляться.

- Добивает последних, тех, кто пытался убежать, - мрачно вымолвил медведь, прислушиваясь к затихающим звукам. - Он, а может и она, короче, этот вервольф... Раньше только в высокосный год приходил, в мае. А теперь всё чаще и чаще.

Прошло минут двадцать. В берлоге стояла полная тишина. Я робко произнес вслух:

- Вроде, миновало. Надо как-то идти мне дальше. Медведь тяжело вздохнул в темноте.

- Оставь мне одну сигаретку и иди, если хочешь. Я тут останусь, нехорошо мне что-то. Иди, двуногий, пока можешь.

Я вылез, огляделся. Туман ушел, как будто его и не было. Попрощался с Мишкой и двинулся в сторону оставленной тропинки, чтобы продолжить путь дальше.

И тут я увидел в свете луны на земле бесформенные куски и черные пятна. Пахло псиной и кровью. Чем дальше я шел, тем больше валялось этих неопознанных комков. «Черт! — пронеслось в голове. — Это же все, что оставил вервольф от целой стаи...»

Ноги стали ватными, а внутри похолодело. «А мне идти как раз в ту сторону, куда этот монстр удалился. Прямо по его следу. Что же делать, назад возвращаться?...»

Я замер на месте, вглядываясь в мрак между деревьями. «Или тихо, как мышь, пробираться дальше? Вдруг он уже далеко? А если он притаился и ждет?»

Через некоторое время меня привлекла впереди большая поляна и костёр на ней. На костре кипел невообразимых размеров чан, от него вилась трубка и ещё какие-то ёмкости. На земле стояли ящики с пустыми бутылками. Тянуло брагой и сивухой. У костра прохаживались люди спортивного телосложения и соответственно в спортивных костюмах и одинаковых чёрных шапочках модели Condom. Я решил обойти стороной эту полянку и не связываться с этими самогонщиками, но снова предательски хрустнула ветка, на которую я наступил. Раздались крики.

- Вон! Вон там!- Стреляй! Стреляй, а то уйдет! - Он на нашу точку легавых навести может! Стреляй!

Потом - выстрелы. Я бежал, даже не пригибаясь, по правой руке что-то сильно хлестнуло, но я не стал смотреть, не до этого было. А потом я снова услышал тот жуткий рык вервольфа, но уже позади, с поляны. Там начался грохот, выстрелы, крики, вопли и этот чудовищный рёв оборотня. «Похоже, я им уже не интересен, — пронеслось в голове. — Раз смогли приманить вервольфа, себе на погибель». Я смотрю на свою ладонь и понимаю, что в ней дыра от пули. Прямо насквозь. И кровь сочится. Я быстро сорвал с себя бандану и замотал ею руку.

Кое-как добрался до пруда, а значит, конец путешествию близко. Вода стояла черная и неподвижная, и только луна колыхалась в ней. Тут я впервые увидел вервольфа собственными глазами. Он был невелик ростом, почти с обычного человека, а не как в легендах. Стоял на противоположном берегу, выгнув спину, запрокинув мохнатую вытянутую морду, и голос его был уже не яростным ревом, а тоскливым, протяжным воем, почти плачем. Потом он начал рыть землю задними лапами, с ожесточением швыряя комья грязи в темную воду.

И пока я затаился, боясь пошевелиться, луну медленно заволокло тучами. Свет померк, и берег напротив поглотила тень. Вой оборвался. Я услышал шелест листьев, хруст веток - и тишина. Он ушел, скрылся в чаще. А мне-то как раз и нужно было идти в аккурат именно туда, чтобы найти грунтовую дорогу до Наташиного дома.

Всё, лес остался позади. Вижу Наташин дом, кое-где в окнах теплится свет. К подъезду, медленно переставляя ноги, идет какая-то женщина странного вида. И тут она ко мне поворачивается и подходит близко-близко. Я с ужасом понимаю, что ее лицо — это лицо Наташи. Но на голове торчат два острых волчьих уха, а на пальцах вместо ногтей — короткие, черные когти.

- Наташа? — выдохнул я, отступая на шаг. — Это т-ты?

Она кивнула.

- Да, это я, — ее голос был хриплым. Она продолжила. - Для кого-то это миф, страшилка, — она усмехнулась. — А для кого-то проклятие, внутренний зверь. Он просыпается, когда я злюсь и попадаю под свет полной луны. А я на тебя очень злилась, что ты не брал трубку и перестал отвечать.

- Значит, это ты там, в лесу? Со стаей? И с этими самогонщиками разобралась?

- Я, — подтвердила она. — Охраняла. Чтобы ты дошел. Чтобы никто тебе не помешал прийти ко мне. Хотя, — ее взгляд упал на мою замотанную руку, — не уберегла до конца.

Потом она вдруг опустилась на корточки, резким движением сорвала окровавленную бандану и лизнула мою сквозную рану. Язык был шершавый и обжигающе горячий. Я ахнул, но не от боли — плоть на ладони стала шевелиться, затягиваясь прямо на глазах, оставляя лишь розовый свежий шрам. И пока рана заживала, с самой Наташи словно спадала шелуха зверя. Уши на ее голове становились все меньше, пока совсем не скрылись в волосах. Когти на пальцах поблекли и втянулись, снова став обычными ногтями. Она выпрямилась, и передо мной стояла та самая Наташа, которую я знал, только очень-очень уставшая.

- Иногда я могу это контролировать, - тихо сказала Наташа. - А иногда... нет. Сила просто накатывает, как прилив, растекается по жилам. И я боюсь, что однажды... однажды я не смогу остановиться и убью даже тебя. То, что во мне... оно сильнее. Мне так жаль, любимый...

- Лучше пусть меня убьет та, кто действительно меня любит.

Так мы и стали жить - то у неё, то у меня, пряча от всех нашу тайну. Три года. Три года мы держали данное друг другу слово — никогда не заходить в тот лес. А перед полнолуниями мы запирались в самой дальней комнате, и я плотно занавешивал все окна тяжелыми шторами, превращая наше убежище в светонепроницаемую крепость.

Но однажды все пошло наперекосяк.

- Ты опять всё сделал не так! — её голос сорвался. — Ты никогда не понимаешь, чего я на самом деле хочу! Никогда!

- Наташа, успокойся, — попытался я вставить хоть слово.

- Нет! Ты думаешь, что занавешенные окна — это решение? Ты думаешь, что спрятаться — это выход? Ты не угадал моё истинное желание! Я хотела силы, я хотела не прятаться, а владеть этим! А ты, ты предлагаешь мне только страх и тьму!

В ярости она рванулась к окну, отбросила мою руку и одним резким движением сорвала тяжёлую штору. Язык пламени - холодного, серебряного, невыносимо яркого - ворвался в комнату. Это был свет полной луны. Он ударил ей прямо в лицо. Через минуту раздался страшный рык.

Три дня спустя Наташа стояла с алыми розами у свежего могильного холмика на Левобережном кладбище города Воронеж. На временный деревянный крест была прибита аккуратная табличка. В ней было выведено моё имя и короткая

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.